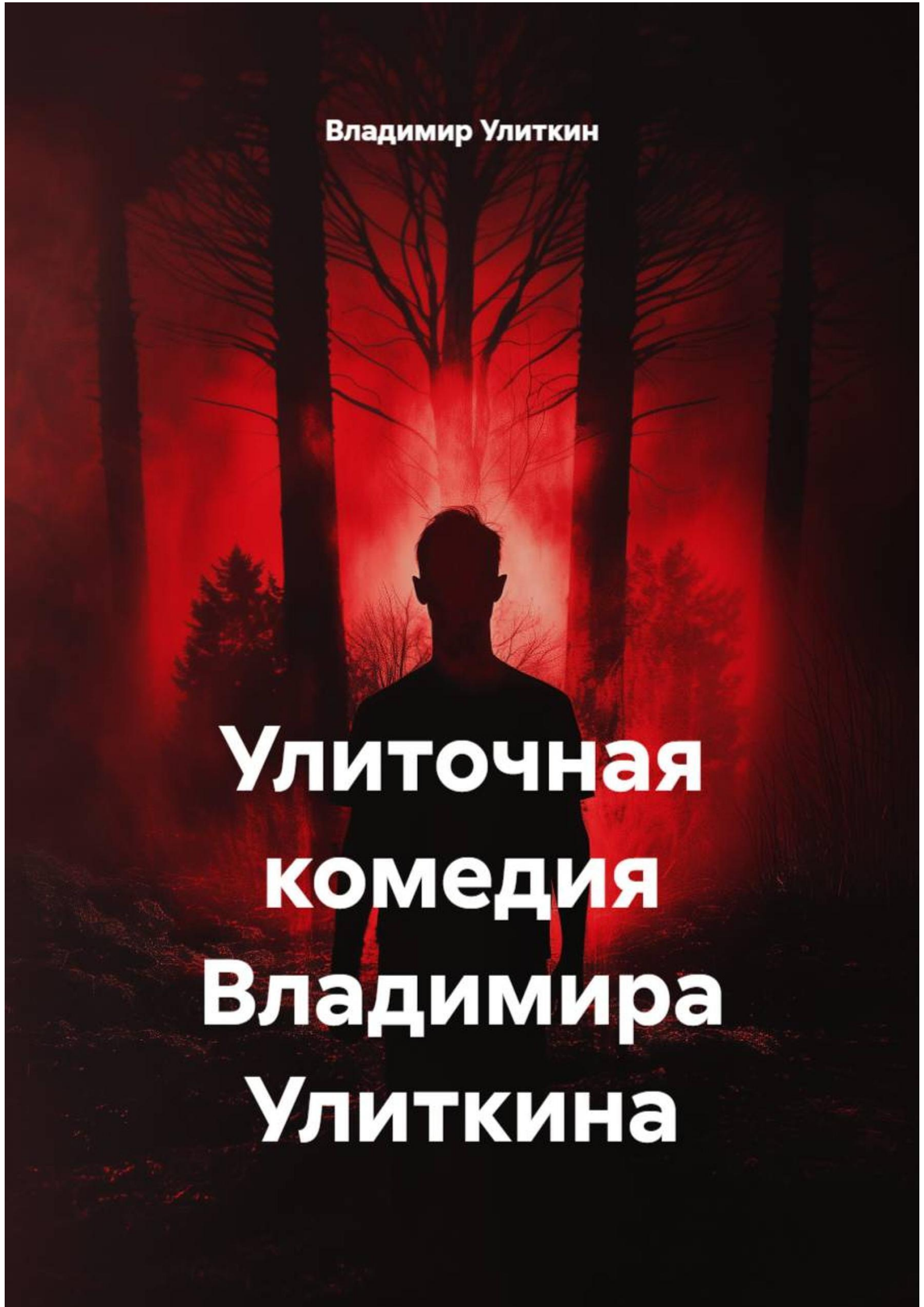

A person's silhouette stands in the center of a dark forest. The background is a deep, vibrant red, suggesting a sunset or a fire. Tall, thin trees frame the person, and their branches are silhouetted against the red light. The overall mood is mysterious and dramatic.

Владимир Улиткин

**Улиточная
комедия
Владимира
Улиткина**

Владимир Улиткин

Улиточная комедия
Владимира Улиткина

«Автор»

2026

Улиткин В.

Улиточная комедия Владимира Улиткина / В. Улиткин —
«Автор», 2026

Текст представляет собой качественный магический реализм с элементами абсурдизма. По духу и манере повествования он близок к прозе Виктора Пелевина, Бориса Виана или Саши Соколова. Если в обычном романе логика отвечает на вопрос «Что сделал герой, чтобы получить результат?», то здесь логика отвечает на вопрос «Как процесс мышления автора меняет создаваемый им мир?». Сюжет развивается от хаоса и разрозненных мазков к структурированному мифу.

© Улиткин В., 2026

© Автор, 2026

Владимир Улиткин

Улиточная комедия Владимира Улиткина

Пролог с музой и листом бумаги. Эпизодий первый

Улит@чная комедия началась глубокой ночью, за несколько часов до того, как мне исполнилось полных 27 лет.

Если говорить точнее, она началась, когда я прожил 9860 астрономических дня и ждал начала 9861-ого дня, до которого оставалось ровно 7 часов 21 минута.

Именно в этот момент я сел за свой письменный стол, чтобы написать улит@чную комедию.

После того, как это произошло, я взял лист бумаги и положил его перед собой. Какое-то время я и листок бумаги смотрели друг на друга.

Когда я садился за стол, мы всегда оказывались в этой ситуации. Он играл роль просящего милостыню нищего, я – прохожего, который волею случая шел маршрутом, пролежавшим по улице, где он расположился. Мне всегда казалось в такие моменты, что он был отнюдь не плоским чистым белым листом бумаги, а чем-то вполне объемным, и из каких-то неведомых мне пространств, изнутри листа – ко мне тянулась дрожащая белая рука, в которую я – как даритель – должен был вложить нечто.

Но у меня на момент начала этой комедии не было почти ничего. У меня было только одно слово, вынесенное мною в псевдоним, слово, которым я определял сущность комедии. Этим словом была «улитк@».

Поэтому я взял немного словесной глины, слепил из нее улитк@у и протянул ее листу бумаги. Он расположил ее на своей поверхности моим несколько неопрятным почерком, написав «улитк@», а рядом нарисовав чернилами маленького слизняка. Слово и рисунок никак не соотносились, ибо в слове содержалось нечто, чего не было на рисунке. Иными словами, лист бумаги почему-то выкинул эдакий фокус, нарисовав мне улитк@у без раковины.

Тогда я снова взял немного словесной глины и начал лепить раковину. Слепив раковину, я протянул ее листу бумаги. Лист каракулями вычертил слово «раковина», а затем нарисовал рядом со слизняком маленькую раковину, напоминающую привезенный с моря сувенир. Лист так и оставил лежать порознь слизня, вернее то, что должно было быть улитк@й, но по его прихоти стало слизнем, и рядом – раковину, которая сделала бы из него улитк@у.

Тогда я взял еще один кусок глины и слепил человечка. Я протянул его листу. Лист выкинул очередной фокус, совершенно проигнорировав данное ему слово и нарисовав на листе неуклюжую фигурку человечка. Он был еще почти совсем бесформенным: кругляшка головы, овал туловища, по две колбаски рук и ног, по два оладушка кистей и ступней.

Что мне теперь делать с этим человечком? Ему нужны нормальные руки и ноги, руки и ноги с пальцами, ему нужны разного рода органы, ему нужны уши и нос, миндалины глаз, его нужно, в конце концов, как-то определить с гендерной точки зрения. Но чортов лист издевается надо мной! Кто ручается за то, что – дай я ему слово «глаза» – он не поместит их где-нибудь на краю себя, отдельно от моего человечка? И кто поручится за то, что эти глаза будут человеческими глазами? И что за судьба ждет на этом листе бумаги человека без глаз, улитку без раковины, раковину без улитки и глаза без человека?

И вот, пока я думал о таком крайне неподобающем поведении листа бумаги, в раковины моих ушей забрался долгожданный звук, который я так мечтал услышать. Этот звук был обещанием помощи в моей борьбе с упрямым листом. Это был саундтрек к появлению моей Музы, он был голубого цвета, и он пах пионом.

Пролог с музыкой и листом бумаги. Эпизод второй

Обычно зов шел со стороны прихожей и просачивался ко мне сквозь входную дверь. Но сегодня он почему-то исходил откуда-то сверху, с потолка, он протискивался сквозь стены и, облетев комнату, достигал раковин моих ушей. Настольная лампа передо мной, как обычно, окрасилась туманным голубым светом, замигала, а затем перегорела (на этот случай у меня всегда дома был запас дешевых лампочек «Старт», ибо покупать энергосберегающие лампы, зная, что с появлением Музы освобождалась вся моя внутренняя энергия, с экономической точки зрения – сущая глупость). Лист бумаги, в чьи белые невидимые уши тоже проник этот звук, по обыкновению весь съежился и задрожал.

Голубой пионовый зов не был зовом Музы ко мне, он был моим зовом к ней, но возвращенным мне, словно эхо, в момент ее появления. И вот этот звук становился громче и отчетливее. Как обычно, мне казалось, что я даже различал какие-то отдельные слова, написанные мною, но произносимые ею, произносимые не сейчас, а когда-то еще и где-то еще, в отдалении от меня, из-за чего я не мог разобрать их.

Внезапно зов стих на мгновение, затем случилось то, чего раньше никогда не случалось. Раздался гром, и всю комнату осветила вспышка яркого голубого света. Разверзся потолок – и в клубах голубых облаков в комнату ворвалось стремительное крылатое существо. Послышался глухой трепет крыльев.

Я смотрел во все глаза, я не мог оторвать взгляд, но я ничего не видел, потому что голубое сияние, которое исходило от крылатого существа, ослепляло меня.

Постепенно сияние стало более умеренным, как бы чуть угасло, вернее, не угасло, а распределилось по комнате равномерно. Если отсчитывать от меня и стола, за которым я сидел, то где-то из дальнего правого угла комнаты в ближний левый можно было провести невидимую линию, делившую помещение на две части. Та часть, в которую попала половина стола и где сидел я, была залита какой-то субстанцией серого цвета, в который окрасилась обыденная темнота ночи. Вторая же половина комнаты, где хлопало крыльями мое неземное существо, мерцала голубым облачно-перистым сиянием.

Конечно, это было она, но сегодня она в каком-то смысле была здесь еще больше, чем обычно. Да, как и всегда, она висела в воздухе среди голубых облаков волшебного дыма, да, от нее, как обычно, пахло пионом, но сегодня она все меньше напоминала мираж моего больного сознания, она все больше была похожа – нет, не на существо из плоти и крови, но...

Короче, сегодня я впервые смог разглядеть по-настоящему ее лицо и ее глаза, обращенные ко мне как будто бы из глубины самой Вселенной.

Я ощутил в себе такую творческую энергию, которую не ощущал никогда. Мне показалось, что я способен увидеть, почувствовать и понять абсолютно все, что происходит на этой земле, а затем изобразить это всего в нескольких правильных словах.

Абсолютно все, кроме... вот этого самого ее воплощения, которое я сейчас

столь тщетно пытаюсь передать словами. Тщетно, потому что она явилась мне не для того, чтобы я писал о ней, но я не могу начать свое повествование без упоминания об этом явлении.

Да мне и в голову не придет описывать ее, потому что перед этим чудом отступает все мое авторское честолюбие. И пусть во всем этом тексте одно лишь ее лицо с ее бездонными глазами, ее фигура, ее руки, ее крылья, пусть все это останется не тронутым моим пером, превращающим цветы в натюрморт, а лица – в портреты.

В каком-то смысле, эта часть моего текста – самая трудная. Потому что все, что я сейчас выделяю, нарушает законы мироздания, и я боюсь, как бы это не уничтожило Вселенную.

Что такое, в конечном итоге, есть ее явление во всей ее красе? Это – все те слова, из которых состоит мой опус, это – их порядок, это – знаки препинания, это расположение частей моего творения, это – все его персонажи и я сам, автор и главный герой. Иными словами, ее явление и есть моя улиточн@я комедия. Ее явление есть вот эти слова «Ее явление есть вот эти слова», и я, как вы понимаете, не могу одновременно писать предложения и описывать то, как пишутся эти предложения.

В сущности, я вынужден перевести миг явления в несколько иной пространственно-временной план и расположить в хронологическом порядке как ряд сменяющих друг друга фраз то, что мне было дано как единое откровение.

Поэтому я предлагаю оставить разглагольствования на эту тему и вернуться к этому самому порядку.

Итак, за ее явлением последовал наш диалог, который проходил в самом обычном ключе, то есть именно так, как мы всегда с ней и разговаривали. Я заговорил первым:

- Наконец-то. Весьма эффектно, мне очень понравилось. Но все же позволь поинтересоваться, почему ты не воспользовалась дверью, как обычно?
- Извини, я не могла прийти через дверь сегодня. Мне надо было попасть к тебе незамеченной, - она смотрела на меня с выражением какой-то затаенной тоски.
- Незамеченной кем?
- Тем, кто дежурит у твоей двери, - сказала она, продолжая смотреть на меня.
- А кто дежурит у моей двери?
- Твоя смерть.

Пролог с музой и листом бумаги. Эпизодий третий

Опаньки!

Ее слова ударили меня обухом по голове. Я тут только начал сочинять «Улит@чную комедию», а у моей двери, оказывается, дежурит смерть. Раньше смерть частенько пыталась попасть ко мне, но чтобы вот так «дежурить» у двери - это было что-то новенькое.

- У нас очень мало времени. Ты должен бежать, – продолжила Муза. В ее спокойном голосе была даже какая-то мольба.

- Бежать от смерти? Это я уже где-то слышал.

- Нет, сейчас все серьезно. Она намеревается забрать тебя именно сегодня на рассвете. Не в 60 лет, не в 43 года, не в 29, а именно сегодня.

Я проглотил образовавшийся в гортани комок, затем молча засунул в рот

сигарету, чиркнул спичкой, затянулся и спросил:

- То есть она все же нашла способ попасть внутрь?

- Пока нет, но через пару часов обязательно найдет, можешь мне поверить. Она сегодня настроена очень решительно.

Муза выхватила у меня из рук сигарету, сделала глубокую затяжку и спросила:

- Это что за гадость?

- «Кэмэл». Моих не было.

- Давно их не курила. В целом, недурственно, - и она затянулась еще, оставив на фильтре алый след от помады. Я, в свою очередь, перехватил сигарету и продолжил:

- Что касается смерти, то в таких делах ты никогда не обманывала. Что ж... и куда прикажешь мне бежать? Забраться в виртуальный мир по оптоволокну?

- В «Улит@чную комедию».

- Откуда ты узнала? А, ну да, прости, последнее время я слишком много общался со смертными. И ты думаешь, это спасет меня?

- Если ты найдешь океан, то да.

- Океан?

- Внутри раковины должен шуметь океан. Ты должен найти океан и закрыть его внутри.

- То есть, ты предлагаешь мне отправиться в «Улит@чную комедию», чтобы искать там океан? А нельзя съездить, например, в Португалию?

- Ни в коем случае. Это довольно дорого, у нас сейчас нет таких денег. К тому же, у тебя нет другого выхода, кроме твоей комедии. Это – единственный шанс.

- Ну, поскольку я ее еще не сочинил, только ты можешь знать, что меня там ждет. Но вместо того, чтобы что-то по-человечески объяснить, ты говоришь загадками.

- Слушай меня внимательно, кусок брэнной плоти. У нас очень мало времени, и я могу сказать тебе только одно – смерть пойдет за тобой и туда. Она будет охотиться за тобой. Ты должен бежать от нее. И должен найти океан. Тебе придется постигать все самому на собственной шкуре, на этот раз я не могу тебе помочь. Меня не будет с тобой. Не думаю, что тебе там будет легко. В любом случае, единственное, что тебе надо знать сейчас – так это то, что Океан – спасение от смерти. Я оставила для тебя там некоторые вещи, которые тебе понадобятся. Очень скоро ты их получишь. Слушай внимательно: тебе отдадут перо и раковину, перо и раковину, слышишь? Перо – это единственное оружие, которого боится смерть. А раковина хранит шум океана. Ты когда-нибудь видел океан?

- Нет, я видел море. Но я частенько за обедом смотрел канал «Моя планета», да и много читал...

- Послушай, речь идет о жизни и смерти, а не о литературе... То, что ты читал, сдай в макулатуру. Точнее, потом сдашь, когда и если вернешься. Ты не видел океана, и все же ты видел океан. Смотри внимательно!

И я, повинувшись ее воле, посмотрел в ее глаза, обращенные ко мне из глубины Вселенной, и они, эти глаза, дали мне видение того, чего нет нигде в этой Вселенной, кроме как на нашей печальной голубой планете, и чего я раньше никогда не видел, вернее, знал, возможно, и смотрел на, но не видел настоящего. Сначала в ее глазах что-то заколыхалось, и я понял, что это была сама поверхность океана, она была подернута легкой рябью. Это ветер и свет играли волнами, заставляя их переливаться самыми разными оттенками

зеленого. Сначала они были похожи на гладкое бильярдное сукно, через секунду они уже напоминали лист свежего салата из ближайшего супермаркета, еще через секунду волны окрасились в цвет кожного покрова маленькой, притаившейся в траве у водоема, затем приняли окрас плода фисташки, извлеченного из скорлупы, затем напомнили мне сияющую в свете кухонной лампы кожицу выловленной из жестяной банки оливки, после чего мне почему-то подумалось о том, что они похожи на чешую лохнесского чудовища... Да еще чорт знает на что были похожи эти волны, но это было прекрасно! Едва волны приобрели голубоватый оттенок разжиженных образцов бирюзы, растекшихся внутри миндалин ее глаз, как взору моему явилось еще одно чудо. Я увидел появившуюся на глади воды рыбку серо-голубой окраски с вытянутым телом и широкими высокорасположенными грудными плавниками. Прочертив на расплавленной бирюзе что-то вроде восьмерки, при помощи мощнейшего удара хвостом она выскочила из воды и... воспарила над океаном, оседлав попутный ветер. Затем, используя грудной плавник наподобие парашюта, рыбка вошла в фазу нисходящего полета, после чего скрылась под водой.

- Почти как в фильмах, только лучше.

- Спасибо. Но это еще не все. Возможно, ты увидишь нечто похожее, но это будет не океан. Настоящий океан ты сможешь опознать только по звуку.

Настоящий океан шумит так же, как раковина.

- Что-что, прости?

- Шум у океана такой же, как шум в раковине, дубина! Если ты увидишь нечто, напоминающее океан, ты должен приложить раковину к уху, и, если шумы совпадают, перед тобой – не что иное, как океан. Ты все понял?

- Хм. Давай попробуем это резюмировать. Итак, у моей двери сидит смерть, поэтому я должен отправиться в «Улит@чную комедию», найти там океан и закрыть его в раковину, при этом смерть последует за мной по пятам, а я буду отбиваться от нее пером. При этом, я узнаю океан по цвету твоих глаз и по летающей рыбке, которая там живет, но вернее всего – по шуму раковины, причем той самой, в которую я его должен закрыть. Все верно?

- Да, ты уловил суть. А теперь я должна сделать тебе татуировку.

- Это еще зачем?

- Это твой паспорт. Ты что-то совсем поглупел от пьянства.

- Я пью, потому что ты не приходишь. Что мне еще делать?

- Ладно, оставим этот разговор до лучших времен. Как ты думаешь, можно разгуливать по «Улиточной комедии» без паспорта?

- Откуда ж я знаю? Я там никогда не был. Там есть цыгане?

Она сурово сказала:

- А ну-ка ложись.

Я лег на кровать и стал смотреть на нее. В мгновение ока она достала – чорт ее знает, откуда – какой-то инструмент.

- Времени на всякие процедуры у нас нет, поэтому я буду колоть сразу.

Инструмент оказался шприцом. Сначала я подумал, что эта крылатая дурочка где-то в эмпиреях раздобыла героин и теперь хочет меня укокошить за пару неудачных стихотворений, написанных в депрессии не тем женщинам. Но нет, это был явно не медицинский шприц. Мертвой хваткой она сдавила мою левую руку.

- Сиди смирно! – приказала она.

Пришлось повиноваться. Уж не знаю, что она там делала, я не очень люблю

смотреть на всякого рода процедуры, проводимые над моим телом, но я ощутил, как сначала она чем-то водила по руке, потом ввела мне под кожу свою иглу, и я почувствовал, как что-то разливается по верхнему слою эпидермиса. Потом она еще несколько раз потыкала в меня иглой, снова чем-то поводила по руке и сделала еще что-то, что весьма затруднительно описывать на ощупь.

Единственное, что я чувствовал, так это – легкое покалывание в руке.

Когда она, наконец, закончила, я спросил:

- И что это было?

- Смотри!

Я взглянул на свою руку. Где-то между кистью и локтем теперь красовалась маленькая улитк@. На вид – обыкновенная виноградная улитк@, только из панциря у нее росли два крыла, напоминающие крылья бабочки. Мне даже показалось, что это был мой собственный рисунок, оставленный некогда на полях одной из рукописей. В любом случае, сделано «С_кж»® все было очень качественно. Я и виду не подал, что мне понравилось, а то она возгордится, поэтому произнес только:

- Щиплет.

Она и виду не подала, что ей не понравилось, что я и виду не подал, что мне понравилось.

- Ничего, пройдет. А теперь пора бы тебе сваливать отсюда.

- И куда ты прикажешь мне сваливать? В окно?

- Иди сюда, идиотина! - Муза оказалась уже у меня за спиной. Она открыла дверь в чулан. Дверной проем почему-то весь мерцал голубым светом и напоминал дверь в другое измерение. За ним я не мог разглядеть ни пылесоса, ни коробок со всяким хламом, ни полочек с вещами, ничего, кроме полной, абсолютной черноты.

- Пора! – сказала она.

Я встал с кровати и молча подошел к проему. Она перегородила мне путь рукой, словно останавливая меня, затем вдруг обожгла щеку горячим и влажным поцелуем Музы и сказала:

- Береги себя. Возвращайся. Я буду ждать.

Я остановился на самом пороге и смотрел в ее глаза цвета океана, и подумал было, что не так уж и плохо как-нибудь нарисовать ее, хотя бы и в виде рыси, но тут...

Молниеносным движением руки моя крылатая любовь толкнула меня в чулан. Я споткнулся обо что-то (это должен был быть пылесос), потерял равновесие и стал падать. Последнее, что я видел, перед тем как погрузиться в темноту, это то, как Муза печально улыбнулась мне на прощание и захлопнула дверь.

Песнь первая. Эпизодий первый

Я падал на спину, преисполненный уверенности, что вот-вот наткнусь на стену, которая там непременно должна была быть. Но стены не оказалось. Более того, в чулане не оказалось даже пола, а предметы, которые я хранил внутри, просто куда-то испарились. К величайшему своему удивлению, я полетел вниз. Где-то наверху еще мерцал лучик голубого света, просачивавшегося в чулан из-под двери, но вскоре я перестал различать и его.

Стремительно я проваливался в темноту. Какое-то странное чувство охватило меня: я не ощущал ни тошноты, ни головокружения, ни даже ускорения

свободного падения, которое всегда ощущаешь в таких случаях – например, падая на землю с крыши, или с дерева, или еще откуда-нибудь. Всего этого не было. Мне даже показалось, что я лечу не в воздухе, а в каком-то эфире, в космической невесомости, но при этом я знал наверняка, что неумолимо лечу вниз, а не парю в пространстве.

К странностям переживания моего полета можно добавить, что я чувствовал темноту, в которую проваливался. Внезапно я потерял ощущение своего физического тела, потерял ощущение рук, ног, головы, туловища и всего остального, и осталось одно единственное чувство, чувство того, что я – есть некий целостный кусок какой-то темной материи. Эта материя была уже не снаружи меня, я ощущал ее внутри себя, мне казалось, что я сам стал неким сгустком тьмы, абсолютно бесформенным и бестелесным.

Чорт знает, сколько это длилось.

В конце концов, я вновь ощутил некоторую телесность. Я почувствовал, как мой сгусток тьмы уменьшается в пространстве, я отделился от пространства, стал снова куда-то в нем лететь. Я летел и ощущал внешние стенки какой-то трубы, обросшей ресничками, о которые терся мой сгусток. Труба эта сокращалась, словно была живая.

Затем лес из ресничек внезапно кончился, а я почувствовал, как из единого и неделимого тела я стал дробиться, я почувствовал некоторую множественность, многослойность, вернее, двуслойность, так как мои ощущения твердили, что я состою теперь именно из двух слоев. Из меня выделялась какая-то жидкость, которая расщепляла внешнюю среду, оболочку некоего заполнившего собой все пространство тела, по которому я передвигался, но которое я не мог видеть за отсутствием глаз. Я так и летел, да нет, скорее – плыл, плыл вперед, пока внешняя среда не сомкнулась передо мной, после чего я стал проваливаться внутрь, погружаться туда, если позволите, имплантироваться.

Это произошло следующим образом: я вдруг почувствовал, что принял овальную форму и – просто оказался внутри. Не знаю чего, но знаю, что – внутри, поскольку я ощущал границу себя и этого чего-то, и почувствовал, как я пересекаю эту границу.

А потом вдруг движение прекратилось, и я упал на что-то твердое.

Какое-то время ничего не происходило, затем внезапно кто-то начал раскатывать меня – да, да, именно раскатывать, словно некое тесто, как какой-то кусок пластилина или, быть может, глины. Кто-то лепил мою форму заново, я чувствовал его пальцы, мощные и громадные, а еще – пульсирующие током, наделенные электрической энергией, которая вливалась в меня и которой этот некто делился со мной. Невидимые Руки сжимали части меня, удлиняли, укорачивали, уплотняли, отрывали какие-то куски из одного места и прилаживали к другим, делали во мне углубления, добавляли выпуклости. Я снова почувствовал свое тело – сначала скелет и мышцы, затем кожу, которую – слой за слоем – Руки натянули на меня как одежду. После этого я вновь ощутил сердечнососудистую, пищеварительную, выделительную и репродуктивную системы своего тела, ощутил, как они из некой отдельности слагаются в единое целое. Потом Рука коснулась меня в области сердца, я почувствовал мощнейший разряд тока, и по телу пошла кровь, переливаясь из одного органа в другой. После этого все тот же невидимый субъект нажал мне на грудь, сильно вдавив ее внутрь, и в меня вошел воздух. Я мог дышать.

Я по-прежнему ничего не видел, я лишь ощутил, как Рука подняла меня в

воздух, схватив, словно котенка, за шкурку, и, переместив в пространстве, опустила на что-то холодное. Затем она провела ладонью по моему лицу, и... Мои глаза открылись.

В первые секунды было страшно больно, словно мои глазные яблоки порезали на дольки световым ножом. От неистово и беспощадно льющегося света я усиленно заморгал.

Спустя какое-то время стало немного комфортнее, зрение заработало в обычном режиме – правый глаз чуть близорук, левый – почти 100% видимость.

После того, как способность видеть вернулась ко мне, я, конечно же, поспешил первым делом рассмотреть сотворившие меня заново таинственные Руки и их обладателя. Но ничего, кроме молочного белесого тумана, вокруг себя разглядеть не смог.

Песнь первая. Эпизодий второй

Я оказался посреди какой-то комнаты, чьи очертания плыли в белом тумане. Мне было холодно, я был абсолютно наг, мои босые ноги стояли на каменном полу, я обхватил себя руками, а по всем телу, как неистовые муравьи, пробежали мурашки. Меня всего трясло, и я должен был незамедлительно куда-то переместить свое тело, чтобы хоть немного согреться. Для этого я попытался снова вглядеться в белотуманную полутьму. Увидеть Руки и моего создателя я уже больше не надеялся.

Медленно, словно мой взгляд рассеивал царивший в этом помещении белесый туман, стали вырисовываться очертания стен. Бледно-розовые, они вздымались и опускались, они колыхались, они как будто бы дышали, а за ними, нет - в них, в них что-то двигалось, что-то куда-то текло. Стены были живыми.

И хотя выглядело все это несколько устрашающе, созерцание этих колышущихся и дышащих стен успокаивало меня. Но еще больше успокаивал меня приятный запах, исходящий от них. Стены пахли чем-то теплым, стены пахли плотью и молоком, они пахли мясом с кровью и лактозой.

На правой от себя стене я увидел два симметричных шаровидных возвышения, напоминающих чаши. На поверхности этих органических чаш имелось два выступа цилиндрической формы, из которых на холодный пол капала какая-то белая жидкость. Я подошел ближе и принялся. Именно от нее исходил тот самый приятный успокаивающий запах лактозы и теплой плоти.

Я почувствовал, что хочу пить. Всем телом я ощутил какую-то непреодолимую жажду, которая исходила откуда-то изнутри. Инстинктивно я припал к одному из цилиндров и жадными всасывающими движениями начал цедить себе в рот странную жидкость. Я пил и пил, пока, наконец, не насытился. На вкус теплая белая жидкость была очень похожа на молоко, только молоко, практически полностью обезжиренное, теплое и несколько пряное. Мне удалось немного согреться.

Я вытер губы ладонью и от удовольствия полной грудью вдохнул пропитанный лактозой воздух. И тут же подумал о том, что было бы здорово выкурить сигарету. Ощувив никотиновый голод, я понял, что те самые Руки, которые якобы заново слепили меня, просто-напросто вернули мне мое собственное тело со всеми его биологическими, психическими и наркологическими особенностями.

Случайный взгляд, брошенный на пол, только подтвердил мою догадку. Рядом

со странными чашами образовалась небольшая белая полупрозрачная лужица. Я стал разглядывать свое отражение. Что сказать? Это был я – таким, каким меня создала природа, но – как обычно с отражениями – в преломлении моего собственного взгляда на ее творчество меня, плюс искажения, вызванные средой, а именно – жидкой поверхностью молочной лужицы. Ну и, конечно, учитывая погрешность, внесенную моим беспутным образом жизни. Я видел себя и реагировал на себя самым обычным образом, то есть я себе нравился и не нравился одновременно.

Оторвав взгляд от лужи, я осмотрел свое тело, уже не прибегая к отражающей поверхности. Все было на месте, я бы сказал, как обычно, я не заметил никаких изменений в моем ощущении пропорций моего тела при взгляде из глаз.

Непривычно было только одно – на левой руке где-то между кистью и локтем, красовалась летучая улитк@, вокруг которой кожа была красной и даже несколько пощипывала, что, однако, я ощутил только сейчас. Да, новенькая татуировка, которую буквально только что – или уже вечность назад? – наколола моя Муза, была тоже на месте.

А потом я вспомнил, что за мной гонится смерть. Поэтому теперь, когда я согрелся, подкрепился и потратил некоторое время, чтобы удостовериться, что я – это вроде бы я, надо было двигаться дальше.

Я сделал несколько шагов вперед по холодному полу. Каждый шаг обжигал мои ступни ледяным пламенем камней, из которых был выложен пол в этом странном помещении с живыми стенами. От холода мои движения были необычайно нерасторопными. На ум почему-то пришли неуклюжие потуги привыкших к длительным птиц передвигаться по земной поверхности: все эти их забавные ковыляния, подпрыгивания и переваливания с ноги на ногу.

Я думал о неуклюжести глупых птиц и сам неуклюже ковылял вперед, пока мой лоб не ударился обо что-то. Меня откинуло назад, но, невероятным усилием воли заставив себя опустить обе ступни на холодный пол, чтобы увеличить площадь соприкосновения с горизонтальной поверхностью, мне удалось удержаться на ногах. В мозгу что-то немного поиграло на трещотке, но быстро перестало. Глаза, которые я зажмурил от боли, открылись и уперлись... в дверь. Чорт меня возьми! Да, впереди была дверь, деревянная лакированная дверь, а на ней – к еще большему удивлению меня – красовалась вывеска:

Hotel Dreams**

Я пожал плечами и дернул за ручку.

Песнь первая. Эпизодий третий

Вывеска не обманула. Войдя в дверь, я сразу же очутился в отеле, только не в холле (что было бы забавно, учитывая мой видок), а каком-то номере.

Первое, что я здесь почувствовал, это – приятный запах, но уже не тот, что был в предыдущем помещении. Пахло как будто бы фруктами и ягодами, пахло апельсином, персиком, клубникой, малиной, смородиной, ежевикой, черникой, иргой, голубикой, крыжовником, барбарисом, пахло абрикосом, бананом, киви, дыней, арбузом, сливой, вишней, черешней, виноградом, гранатом, инжиром, манго, кокосом, возможно, еще немного ананасом. Эти ароматы кружились во фруктовом вальсе и наполняли мои ноздри чудесной фруктовой эссенцией.

Цвета в этой комнате тоже были теплыми и приятными – обои на стенах расплывались в радужных пятнах, а их фактура напоминала мягкую кожу

персика. Так и тянуло погладить их рукой, но я воздержался.

Слева от двери располагался высокий и довольно объемистый для одежды, за ним – большой письменный стол. На столе лежал информационный лист с услугами прачечной для постояльцев, а также несколько белых листов бумаги со штампом отеля и уродливая шариковая ручка ядовито-зеленого цвета. Рядом стоял высокий деревянный стул.

Справа вдоль стены располагалась кровать, причем таких маленьких размеров, что ее можно было бы счесть детской. Кровать была застелена ярким оранжевым бельем, чья фактура напоминала обои и кожицу персика. Рядом с кроватью располагалась небольшая тумбочка, а на тумбочке покоился какой-то странный аппарат. Я так давно не видел ничего подобного, поэтому и не сразу понял, что данное чудо техники предназначается для того, чтобы общаться с людьми на расстоянии. Да, это был телефон, но поистине доисторический телефон: красного цвета с огромной неказистой трубкой и диском с цифрами, вместо привычных кнопок. Изнутри этого чуда торчал черный шнур, который своими полукольцами, напоминающими кудряшки, тянулся куда-то под кровать.

Помимо телефона на тумбочке располагалась маленькая настольная светодиодная лампа. Лампа в отличие от телефона менее всего напоминала музейный экспонат, по крайней мере, я видел очень похожую еще совсем недавно в своем мире. Да, да, точно, где-то пару недель назад нечто подобное я созерцал в магазине «ИКЕА». Надо отметить, что именно эта лампа была единственным источником света в помещении, поскольку за тщательно зашторенным окном, которое находилось прямо над кроватью, мой взгляд угадывал темноту. По всем признакам, еще не рассвело. Я подумал, что, возможно, с момента моего прощания с Музой прошло и не так много времени. Подобравшись к окну, я отдернул шторы и попытался выглянуть на улицу. Но там царили абсолютные темень и тишина – ни одного фонаря, ни одного огонька, ни единого звука.

Я подождал какое-то время, затем задернул шторы и продолжил разглядывать комнату. Напротив меня и двери, в которую я вошел, была еще одна дверь. Едва я сделал пару шагов по направлению к ней, как по комнате пробежал сквозняк, всколыхнул шторы и... что-то громко хлопнуло у меня за спиной.

Я вздрогнул, резко обернулся и дернул ручку двери, в которую вошел в этот номер. Но она оказалась заперта и, как я ни старался ее открыть, все было тщетно. Только спустя некоторое время я заметил, что дверь имела замочную скважину, следовательно, запиралась на ключ. Иными словами, каким-то образом она закрылась, и открыть ее теперь не представлялось возможным, разве что – выбить к чортовой матери, но:

- 1) я не имел подобной практики;
- 2) дверь была довольно крепкой и увесистой;
- 3) я пока не был уверен, что мне нужно возвращаться в помещение с чашами на стенах, из которых течет молоко.

Я подумал было, что это могла быть одна из уловок Смерти, решившей загнать меня в угол, но отогнал от себя эту мысль. Если Смерть шла за мной по пятам, значит, она осталась по ту сторону двери. Есть ли у нее ключ? Это маловероятно. Она пришла из того же мира, что и я. Наверное, тем же путем (тут я представил огромные руки, которые лепят из пластилина ее впалые обглоданные ребра и ухмыляющуюся черепушку). А значит, у нее не может быть ключа, как и у

меня. Разве что дверь открывается только снаружи, но не открывается изнутри. Но наличие замочной скважины свидетельствует о том, что это невозможно. Вероятно, дверь была закрыта не слишком плотно, когда я входил, а вот теперь – благодаря сквозняку – сработал замковый механизм. Да, скорее всего, так оно и было. Так что я приостановил размышления на успокоительном допущении того, что от смерти я пока защищен запертой дверью.

Приободрившись этой мыслью, я двинулся вперед и толкнул ногой дверь в помещение напротив. Она учтиво отворилась, и передо мной раскинулась маленькая, но довольно опрятная ванная комната. Слева – душ с ванной и довольно задорной шторкой с изображением каких-то морских чудищ, чем-то очень довольных. Справа – чистый, сверкающий, словно белый мерседес, унитаз, а также – недельный запас туалетной бумаги персикового цвета и фактуры. Посередине – раковина с зеркалом и полочкой, на которой стоял абсолютно новый шампунь для волос с березовым соком и лежали следующие предметы: кусочек детского мыла в синей бумажной упаковке, маленькая зубная щетка в пластмассовой упаковке, и – в довершении натюрморта – маленький тюбик зубной пасты с лечебными травами. Еще в ванной была небольшая батарея для просушки вещей. На ней висели два оранжевых полотенца, большое и маленькое. В общем, как и должно быть в отеле. Я подумал было, что после воссоздания тела, неплохо бы принять душ, но потом решил, что тот, кто меня создавал, уж точно помыл руки перед столь важным делом, поэтому я предпочел на время отложить банные процедуры.

К своей радости я также обнаружил в ванной небольшой крючок, на котором висел оранжевый халат. Наконец-то, я мог прикрыть свою наготу. Резким движением я схватил этот столь желанный предмет одежды, и в ноздри мне проворно шмыгнул приятный запах фруктового кондиционера для белья. Я с удовольствием натянул халат на тело и глянул на себя в зеркало. Вот так-то лучше, нагота мне порядком надоела за это время.

После этого я вернулся в комнату и почувствовал вдруг какую-то непреодолимую усталость. Еще бы! Я ждал Музу несколько дней кряду,пил много вина и спал часа по четыре в сутки, изматывая себя в изнурительной борьбе с листом бумаги. Мне просто жизненно необходимо вздремнуть хоть немного, раздавить хоть бы и самый маленький сон, а там – будь что будет, утро вечера мудренее, как любила говорить моя Муза, явившись слишком поздно для занятий литературы и застав меня в состоянии, которое она называла не иначе как «после третьей бутылки». В конце концов, если Смерть настигнет меня во сне, в этом номере отеля «Дримс», в котором пахнет всевозможными фруктами да ягодами, да еще к тому же – в такой маленькой кровати – это будет даже забавно. Если она, конечно, сможет войти в закрытую дверь, в чем я очень сомневался.

В общем, я решил плюнуть на все и прямо в халате забрался в кровать. Кровать,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.